

сти взаимосвязей [8].

Консорция объективируется, становится объектом, когда есть внешний наблюдатель, именно он создаёт и расчленяет экосистему-объект, он своим появлением уничтожает первоначальное единство живого и неживого, которое становится гетерогенной, иерархизированной системой, механизмом, машиной, не имеющей собственного определения и понятий. У такой консорции есть только свойства, присущие определённым зооценологическим, фитоценологическим, геоморфологическим, структурам, в ней нет ничего собственно экологического.

БГЦК формирует все необходимые ей компоненты через их функции, которые она сама же и создает через противоречия, возникающие в ее целостном развитии. Она образуется на пересечении потоков вещества, энергии и информации – пронизывающих БГЦП и её способностью пережить их силу и не погибнуть. БГЦК нельзя редуцировать, к каким либо, фундаментальным сущностям вроде живых организмов (растения, насекомые, птицы и т.д.) или элементам окружающей их среды, любая экосистема должна восприниматься целостной в своей самодостаточности. Тогда она представляет бесконечную сеть взаимосвязанных событий. Ни одно из свойств какой – либо часть этой сети не является элементарным и фундаментальным, все они отражают свойства других её частей.

БГЦК не может рассматриваться в виде ансамбля сущностей, не поддающихся дальнейшему анализу. Характерная для механистической экологии концептуальная фрагментация консорции порождает серьёзную дисгармонию. У неё есть тенденция не только разделять то, что неделимо, но и объединять то, что не соединимо, создавая тем самым искусственные структуры. Как и в квантово-релятивистской физике, в современной экологии акцент смещается от субстанции и объекта к форме, паттерну и процессу.

Этот способ научного мышления делает абсурдным попытку понять экосистему в терминах отдельных объектов и сущностей, рассматривать особи вида, как дарвиновские сообщества в борьбе за выживание. Различные аспекты существования системы значимо связаны с целым, они выполняют особые функции ради конечной цели, а не являются независимыми строительными блоками. Образ экосистемы, напоминает, следовательно, живой организм, органы, ткани и клетки которого имеют смысл только в отношении к целому.

Источники и литература

1. Реймерс Н.Ф. Экология (теории, законы, правила, принципы и гипотезы) // Россия молодая. – 1994. – 367 с.
2. Колесник С.В. Основы общего землеведения. – М.: Учпедгиз, 1955. – 300 с.
3. Capra F. The Tao of Physics. – Berkeley: Shambhala Publ., 1975.
4. Jantsh E. The Self-Organising Universe. – N.Y.: Pergamon Press, 1980.
5. Ретеюм А. Ю. Земные миры. – М.: Мысль. 1988. – 270 с.
6. Николаев В. А.. Ландшафты азиатских степей. – М.: Изд-во Моск.ун-та. 1999.– 288 с.
7. Пышкин В.Б., Прыгунова И.Л. Экология: ландшафт и экосистема // Ландшафтоведение: теория, методы, региональные исследования, практика: Материалы XI Международной ландшафтной конференции. – М.: Географический ф-т МГУ, 2006.– С. 564–567.
8. Пышкин В.Б., Евстафьев А.И. Геоэкология: современный взгляд на экосистему// Теоретические и прикладные проблемы геоэкологии: II Междунар.науч.конф.– Мн.: БГПУ, 2005. – С.53–55.

Хлобыстов Е.В., Чернова Т.Л., ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Глобализация и постиндустриальное общество – две стороны одного процесса, процесса ускоряющегося изменения ценностей и приоритетов пространственного развития человечества в конце XX века.

Сегодня феномен постиндустриализма уже перестал характеризоваться новизной и вызывать оживленные дискуссии, и в пору говорить о становлении следующего уклада, условно «пост-постиндустриального». Предвестниками смены общественных и экономических укладов являются первые ростки формирования структуры капитала и капитализации не только через сферу интеллектуальных услуг, а через системы нового замыкания мирового пространства, ограждающего территории государств постиндустриального развития от влияния бедных и беднейших обществ. Здесь речь идет о принципиальной невозможности достичь постиндустриального пути развития через ограничения весьма однозначного проявления (они выражаются не только через экономические, но и через политические санкции). Т.е. речь идет о замыкании постиндустриального общества на самого себя, и страны, которые имеют шансы влиться в это новое обеспеченное сообщество, должны принимать все больше требований и условий для интеграции (институты Евросоюза, НАТО, ВТО, МВФ и прочие). Чтобы понять истоки этого процесса и оценить его пространственную динамику, следует остановиться на характеристике сущности глобализации как социально-культурного, экономического и политического феномена современности.

О глобализации, как понятию в научной и публицистической литературе, впервые заговорили после работ американских социологов и экономистов Дж.Маклина, М.Уотерса и Р.Робертсона (1981-1985 г.г.). Спустя десятилетие термин «глобализация» уже широко применяется в научной литературе и даже средст-

вах массовой информации, он используется для описания одинаковых процессов в разных странах. Глобальными стали теория устойчивого развития (становление – 1988-1992г.г.) и дискуссии о «конце истории» (Ф.Фукуяма) или столкновении цивилизаций (С.Хантингтон), и другие.

Среди наиболее очевидных «глобальных» черт нашей жизни, которые каждый ощущает повседневно, необходимо назвать:

- ощущение некоторого «ускорения» времени и «сжатия» земного пространства;
- унификацию общественной жизни, знаний, производства и быта;
- новую субординацию государств и общественных сил в них;
- усиление зависимости общественного мнения, жизненных решений человека от средств массовой информации.

Что стоит за каждой из этих особенностей? Первое обстоятельство – **новое ощущение времени и пространства** – связано с быстрым развитием производства и инфраструктуры (скоростного транспорта, электронной и мобильной связи), с всемирным разделением труда. Сознание уже не поспекает за техникой, им же созданной. Человек не успевает ознакомиться со всей предоставленной ему информацией, побывать везде, куда может попасть, реализовать все, что предлагает ему цивилизация. Удлиняясь физически, жизнь субъективно кажется короче из-за насыщенности разнообразными событиями и быстрой их сменой. Возможность скоростного перемещения товаров, людей и сведений на огромные по недавним меркам расстояния создает ощущение, что Земля стала «маленькой», «объятной» и, соответственно, уязвимой. Уязвимой не только в экологическом, но и в буквальном смысле (как известно, оружия, накопленного в мире, достаточно, чтобы уничтожить планету несколько раз).

Унификация общественной жизни проявляется в широком распространении в мире одной из форм государственного устройства – демократии западного типа. Её принципы: главенство права, определенная избирательная система, подчинение исполнительной власти законодательной и др. Существенно то, что массовому сознанию как в границах таких государств, так и за их пределами, внушается мысль о том, будто только такие социальные отношения «современны», «справедливы» и «прогрессивны», а другие на их фоне – соответственно «отсталые», «тоталитарные» и «бесперспективные».

Это позволяет человеку западного мира – в первую очередь американцу – гордиться своей страной и признавать за ней в межгосударственных отношениях исключительную роль (третейского судьи, миротворца, защитника прав человека) и исключительные права (на введение войск, экономических санкций, предоставление материальной помощи или отказ в ней, ультиматумы и т.п.).

В отличие от членов западного общества все остальные, согласно психологии глобализма, должны с завистью смотреть на лидеров и стремиться либо присоединиться к ним путем эмиграции, либо изменить уклад собственной страны по западному образцу.

Точно так же, как политическое устройство, эталонными объявляются западное образование (отдельные учебные заведения, программы, учебники, система тестирования) и продукты западного производства (критерии: качество, дешевизна, но главное – известность марки и распространенность на рынке).

Своеобразным символом экономики глобализма стала сеть закусочных «МакДональдс», разбросанных по всему миру, в которых предлагается одни и те же меню (включая и рецептуру, и стандарты качества), система обслуживания, даже интерьер и посуда. Компьютерные программы «Майкрософт», стандарты так называемого «евроремонта», пластиковые карточки, сигареты и предметы личной гигиены – одинаковы и приняты нынче практически во всех уголках земного шара. Они и им подобные услуги, товары, технологии активно вытесняют национальные традиции и самобытные предметы потребления, имеющие многовековую историю.

Причиной и следствием одновременно подобной унификации духовной и материальной жизни представляется формирование надгосударственной глобальной экономической системы, в которой ведущая роль принадлежит транснациональным корпорациям.

В результате выстраивается **новая субординация государств и общественных сил**, причем прогресс т.н. «развитых», «цивилизованных», т.е. западных стран осуществляется, в том числе, и за счет деградации всех остальных путем монополизации финансовых рынков, спекулятивных кредитов, расхищения природных ресурсов, утечки мозгов и др. воздействий.

Доллар превращается в главный двигатель глобальной экономики, а США – в лидера глобальной экономической системы. За ними (за США) в этой новой субординации следуют страны Западной Европы, затем набирающие обороты экономического развития Китай и пока не формализованная коалиция мусульманских стран, затем государства, возникшие после распада СССР, в т.ч. Украина. В самом низу пирамиды, под наибольшим прессингом – беднейшие страны третьего мира, перечень которых завершают африканские государства.

Очевидно, что идеалы и ценности глобальной цивилизации современный человек воспринимает не непосредственно, а в преломлении **средств массовой информации**, среди которых особая роль принадлежит телевидению и сети Интернет.

СМИ создают виртуальные образы стран, режимов, движений (новости), отдельных товаров и услуг (реклама), наконец людей (например, политических деятелей или актеров) и идей (иллюстрируя лозунги и тенденциозно подбирая факты и аргументы). Все это происходит под прикрытием мифа о «четвертой власти», о свободе слова, праве на доступ к разнонаправленной информации. На деле же так называемые «свободные» СМИ принадлежат либо государству и отражают точку зрения правящей верхушки, либо тем же транснациональным корпорациям – международным монополистам в области информации. Создание электронных версий пресс-изданий и Интернет-сайтов тоже кем-то заказывается и кем-то финансируется, также упаковывает сведения определенным образом – согласно глобальным интересам.

Отсутствие права лишает возможности самостоятельного отбора и отсева данных и, таким образом, приводит к зомбированию общественного сознания и манипулированию им.

Глобальным это явление делает то, что оно распространяется *на всех жителей Земли*, независимо от того, как они к этому относятся, к какой нации, культуре, вере принадлежат, где находятся и какой образ жизни ведут. А поэтому воспринимается многими как что-то вынужденное, привнесенное извне, даже насильно насаждаемое.

Совершенно естественно, что такое восприятие порождает протестные реакции разного уровня, получившие недавно общее название «**антиглобализм**».

К ним относятся и теоретические споры представителей интеллектуальной элиты, и программы поддержки национальных производителей, и демарши экологических организаций типа «Хранителей радуги», и агрессивные выступления радикальных партий – от леваков-интернационалистов до ультраправых националистов, от борцов за права (женщин, животных, национальных или сексуальных меньшинств) до искателей острых ощущений с неопределенными целями.

Каждая из этих категорий метит в какое-либо конкретное проявление глобализации и выбирает соответствующие лозунги и средства. Целью этих акций, как правило, является привлечение внимания общественности к себе.

Впрочем, постепенно человечество осознает, что глобализация – процесс объективный, который проходит независимо от нашего знания о ней, желания «содействовать» или «препятствовать» ей; что нельзя однозначно оценивать глобализацию как благо или зло, а можно лишь говорить о пользе или вреде отдельных ее проявления для отдельных стран, регионов, категорий людей и т.п.

Глобализация охватывала пространство бывшего СССР постепенно и «железный занавес» был не столь значимым, как представлялся в обыденном сознании. Но отношения «центр-периферия» все в большей степени определялись тенденциями глобального характера, которые формировались далеко за пределами государства. На эту тенденцию обратил внимание социолог Симон Кордонский [1]. Так, он отмечал, что в ходе географического и социального освоения не возникало необходимости в экономической модернизации (что в последствии ассоциировалось с глобализацией и постиндустриальными общественными отношениями). Колонизируемые территории становились сырьевыми придатками центра, отчуждавшего и распределявшего им ресурсы, необходимые для поддержания жизни и социальной структуры. Унифицированные отчуждающе-распределительные отношения между центром и периферией определили и территориально-административную организацию государства, где структура власти на любом нижерасположенном уровне административного управления воспроизводила более-менее точно структуру управления вышележащего уровня и где два любых смежных уровня административно-территориальной иерархии находились (особенно в советское время) в перманентном торге, суть коего заключалась в пропорциях между отчуждаемыми от нижерасположенного уровня и распределяемыми вышележащим уровнем (в пользу нижележащих уровней и отраслей народного хозяйства) промышленными, продовольственными и сырьевыми товарами. Торг между смежными уровнями административно-территориальной иерархии, сопряженный с административным торгом между отраслями народного хозяйства, и составлял административный рынок.

Это эпохи социальных революций, неизменным результатом которых было воспроизводство прежних отношений между центром и периферией, основанных на новых видах ресурсов или на новой, более изощренной форме принудительного отчуждения и распределения.

Проблема решалась в виде смены социальных парадигм, которая представлялась как некое консолидирующее начало. На Западе консолидирующая роль отводилась демократизации общественной жизни и государственных институтов. Так, Френсис Фукуяма выделил четыре уровня на которых должна произойти консолидация демократии (а по сути – глобальных ценностей западного образца, по определению А.Дугина – «атлантического»), и каждый уровень требует соответствующего уровня анализа [2].

Уровень 1: Идеология – уровень нормативных убеждений о правильности или неправильности демократических институтов и поддерживающих их рыночных структур. Первый уровень есть сфера рационального самосознания, в которой изменения восприятия легитимности могут произойти совсем неожиданно. Такое изменение, благоприятное для демократии и рынка, произошло во всем мире за последние 15 лет.

Уровень 2: Институциональная структура. Эта сфера включает конституции, судебные системы, партийные системы, рыночные структуры и т.п. Институциональная структура изменяется не так быстро, как идеи в том, что касается легитимности, но на них можно влиять с помощью государственной политики. Это тот уровень, на котором в последнее время велась политическая борьба, когда новые демократические государства, при помощи ранее возникших, стремились приватизировать государственные предприятия, написать новые конституции, консолидировать партии и т.д.

Уровень 3: Гражданское общество. Это спонтанно созданные социальные структуры, отдельные от государства и лежащие в основе демократических политических институтов. Они оформляются еще медленнее, чем политические институты. Они меньше лабильны со стороны государственной политики и часто находятся в обратной зависимости от государственной власти, усиливаясь по мере отступления государства и наоборот.

Уровень 4: Культура. Этот глубочайший уровень включает такие явления, как структура семьи, религия, моральные ценности, этническое сознание, "гражданственность", исторические традиции (менталитет). Подобно тому, как демократические институты покоятся на здоровом гражданском обществе, гражданское общество, в свою очередь, имеет предшественников и предпосылки на уровне культуры.

Альтернативная стратегия глобалистического развития реализована в Китае [3]. Сторонники жесткого государственного регулирования подчеркивают, что именно ведущая роль государства помогла Китаю добиться столь впечатляющих результатов.

С другой стороны, некоторые экономисты находят, что экономические реформы, проводимые в комму-

нистическом Китае, являются практическим воплощением идей либерализма. Залогом успеха китайских реформ был относительно низкий уровень социальных обязательств государства перед населением, позволявший провести минимизацию расходов. Существует значительное несовпадение роста китайского ВВП и увеличения энергопотребления. Получается, что ВВП растет гораздо быстрее, чем потребление энергоресурсов. Такая картина была бы понятна при условии повышения эффективности капиталовложений, чего на самом деле не наблюдается (действительно, эффективность опирается не на качество товара или услуги, хотя Китай последние годы выходит полноценным игроком на западные рынки высокотехнологических товаров, а на дешевизну рабочей силы). Ориентация на высокие темпы роста путем наращивания выпуска продукции и соперничество местных властей привели к несбалансированному развитию многих отраслей промышленности - нередко создавались дублирующие друг друга предприятия, некоторые производства оснащались устаревшим оборудованием. В результате до 30% созданных в Китае за последние 20 лет промышленных мощностей бездействуют, так как их продукция не востребована рынком.

Помимо критики и прямых сомнений в отдельных достижениях Китая, скептики обращают внимание на некоторые важные факторы, серьезно затрудняющие сравнение ситуации с Китаем, т.к. КНР остается преимущественно аграрной страной. Деревня в Китае – источник колоссальных финансовых и человеческих ресурсов для промышленного подъема. Жестко контролируя закупочные цены на большинство видов сельскохозяйственной продукции, государство ежегодно выкачивало из деревни до 80 млрд. юаней.

Следующая особенность глобализации – сетевые технологии, растущая роль Интернет. В этой связи интересное исследование провел А.Давыдов [4]. Он отмечает, что полноценное становление сетевых связей пока что сдерживается недостаточной развитостью технических средств - индивидуальных устройств, которые бы на основе беспроводного доступа обеспечивали передачу данных в любой форме представления, будь то звуковая, видео- или печатная информация. В ближайшее время произойдут серьезнейшие социально-политические изменения. Важнейшим из этих ожиданий является то, что мировым сообществом будет коренным образом пересмотрено понятие «государственный суверенитет». Ведь в настоящее время суверенитет государства - это, по сути, суверенитет бюрократической системы управления, взявшей на себя право тем или иным способом осуществлять верховную власть на некоторой территории. Сеть выступает более эффективным, чем государство, организатором взаимодействия, а значит, и лучшим гарантом уже имеющихся свобод личности, предоставляя ей, при этом, новые свободы. Причем такие, при развертывании которых государство утрачивает часть своего нынешнего существа. Одна из самых очевидных из них - это свобода от государственной бюрократии, или, говоря другими словами, - свобода от гражданства.

Постиндустриальное развитие предполагает переход от традиционной капитализации, основанной на ресурсных или сырьевых преимуществах, к капитализации, в основе которой находится интеллектуальный капитал и высокотехнологические услуги. Особая ситуация – с рассмотрением экосистемной ценности природных ресурсов извлечения из этого рыночных конкурентных преимуществ, о чем писали авторы [5], однако это тема отдельного исследования.

Но сегодня мы наблюдаем, как постиндустриальные страны готовы с оружием в руках контролировать сырьевые запасы (Ирак), договариваться с недемократическими странами ради сырьевого партнерства (Россия), ограждать себя от нежелательных мигрантов (требования к пограничному контролю для Украины). Таким образом, динамика пространственного развития идет по линии сегментационной глобализации (Иноземцев) и ограждения себя от интеграции с нежелательными (отсталыми) партнерами. Плюс – экспансия над энергоносителями, которая регулярно увеличивает временной зазор для энергоемких технологий (альтернативные источники топлива, коммунальные системы и пр.). Опыт Китая показывает нам две вещи. Первая – это на этапе становления успехи экономического развития возможны только в авторитарном обществе с низким уровнем гражданских свобод, второе – путь Китая не может быть повторен по причине уникальности становления социально-экономического уклада, в котором агрессивная политика на внешних рынках соседствовала с эффективной внешнеэкономической деятельностью и возможностью достаточно долго использовать трудоресурсный потенциал с минимизацией социальных издержек.

Нельзя использовать и опыт успешно интегрированных в евроструктуры стран Балтии или бывшего соцлагеря – несопоставимы пространственно-экономические показатели. Поэтому для Украины динамика глобального пространственного освоения будет определяться буферными свойствами, транзитностью и природными ресурсами не сырьевого значения. Особая задача – выход на рынок интеллектуальных услуг, поэтому определение четких, понятных и перспективных стратегий развития – задача сегодняшнего дня.

Что для этого делает Украина? К сожалению, довольно мало. У нас приоритет всегда отдается годичным программам (Программа деятельности Кабинета министров, «Шаги» Президента навстречу людям, о которых забывают на протяжении примерно года-полтора, Бюджет страны, как самый насыщенный обсуждаемый документ), программы регионального развития создаются преимущественно «под нынешнюю администрацию», а не в связке с общегосударственными стратегическими проектами. Да и стратегии развития пока создаются в большей мере в виде научных предложений отдельных институтов и коллективов, а не органов высшей государственной власти. Объединяющим документом должна была стать Стратегия устойчивого развития Украины, о разработке которой в очередной раз отказались центральные органы исполнительной власти. Как, впрочем, и в очередной раз дистанцировался от этого документа и непосредственно, Кабинет министров Украины. Так что формирование постиндустриального глобального развития проходит для Украины по-прежнему с позиций субъекта, а не объекта действия...

Постиндустриальное развитие предполагает различную скорость интеграции к единым стандартам, ибо эти стандарты не являются унифицированными и нормированными. Интеграция, по сути, имеет столь же дисперсную структуру, как и проявление глобализации, поэтому говорить о единстве скорости и общем динамизме не приходится. Особенности проявления постиндустриализма в странах бывшего СССР имеют

следующие характеристики:

Интеграционная модель («модель вливания»), предполагающая отсутствие ярких проявлений (по звеньям или видам интеллектуальных услуг), характерна для стран Балтии.

Дисперсная или ареальная модель – наличие отдельных территорий («наукоградов», мегаполисов) с ориентацией на отдельные виды услуг, связанные, как правило, с ВПК. Характерна для России.

Буферная модель – наличие отдельных видов деятельности, направленных на обеспечение дополнительных или приграничных, транзитных или геополитических буферных свойств, ориентация на вспомогательные или интегрированные наукоемкие технологии, обеспечение тяжелой индустрии, ресурсоемкого производства, выработка энергии, переработка, связанная со значительным воздействием на окружающую среду. Характерна для Белоруссии и Украины.

Геополитическая модель – наличие исключительно политических мотивов для обеспечения интеграционной политики. Все проявления постиндустриализма представлены западными компаниями. Характерна для Грузии, Армении и Молдовы.

Сырьевая модель – постиндустриальные подходы и технологии исключительно для обеспечения разведки, добычи и транспортировки природных ресурсов. Характерна для Азербайджана, Узбекистана, Туркменистана.

Промышленная модель – переход от индустриального к постиндустриальному пути развития с мощной сырьевой базой и замкнутыми промышленными циклами производства. Характерна для Казахстана и, отчасти, также для России.

Отсутствие модели постиндустриального развития, как и проявлений постиндустриализма. Характерна для Таджикистана и Киргизии.

Итак, какое место в динамике постиндустриального развития на пространстве бывшего СССР занимает Украина? Прежде всего, динамика её развития связана с тремя полюсами геоэкономического и геополитического притяжения. Это США, Евросоюз и Россия. Евроинтеграционный выбор Украины не стал ни национальной идеей, ни государственной стратегией, в достижении которой есть первостепенная и однозначная перспектива. Ресурсная и сырьевая зависимость от России еще долго будет определять внешнюю и внутреннюю политику, а противостояние по линии «восток – запад» периодически будет формализовать противоречия этих полюсов глобального притяжения. Поэтому динамика постиндустриализма для Украины будет характеризоваться индикаторами, содержательное наполнение которых («физическая» сущность) связана с обеспечением: энергонезависимости и диверсификации энергоресурсов; выявление и укрепление сегментационного захвата рынков интеллектуальных товаров, технологий и услуг; политическое сближение с Евросоюзом, через сближение правового и нормативного поля; усиление присутствия украинского государства и отдельных хозяйствующих субъектов, в европейских структурах и на рынках отдельных стран Евросоюза; поиск интеграционной, ориентированной на 10-15 лет, модели с Евросоюзом, цель которой – гарантированная привязка к себе европейских капиталов и геополитических интересов в лагунах, занять которые теоретически и практически может Украина.

Временная характеристика динамики будет определяться скачкообразно – с ускорениями и замедлениями. Так, первая фаза – ближайшие 3-5 лет, пройдут в медленном, но поступательном сближении социально-экономических и политических интересов и закреплении строгой конкурентной модели взаимоотношений с РФ, а также с политическим дистанцированием от военно-политической международной поведенческой модели США. Последующие 6-10 лет будут годами интеграционного зстоя, вызванными большей мерой попыткой самого Евросоюза выработать приемлемую для себя модель усиления интеграции и сегментационного включения Украины в систему интересов, приоритетов и пространственной деятельности Евросоюза, с переходом на стабильные партнерские отношения с США, Китаем, Индией и Россией. Третья фаза – до 5 лет – вступление Украины в обновленную политическую и социально-экономическую структуру Евросоюза, с особыми условиями, но открытыми границами и инвестиционно-инновационными лагунами, возможно, на этой фазе Украина станет полноправным членом Евросоюза.

План действий для Украины будет определяться исключительно доброй волей и политическим консенсусом относительно стратегии развития государства и – шире – экономического пространства Украины. Стратегия должна стать предметом квалифицированного обсуждения и принятия на любом уровне, при условии общественного согласия или властного (политического) давления по, независимому от избирательных кампаний, продвижению в жизнь, на основе индикативных показателей, этапности, мониторинга успешности.

Источники и литература

1. Кордонский С. Постперестроечное экономическое пространство. Трансформация административного рынка. – М., 1993.
2. Фрэнсис Фукуяма. Главенство культуры // Русский Журнал. 14.07.1997.
3. Андрей Литвинов. От трудности сравнений: Нужно различать "китайскую модель" и "китайский опыт" // Независимая Газета. № 10 (51). Сетевая версия. 20 июня 2000 г.
4. Давыдов А.В. О некоторых глобальных последствиях становления сетевой структуры общества // Инновационная политика и инновационный бизнес в России / Аналитический вестник Информационно-аналитического управления Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Специальный выпуск к пятому Петербургскому экономическому форуму – № 15 (146). – июнь. – М., 2001. – С.4-15.
5. Хлобистов Є.В. Екологічна безпека трансформаційної економіки / Під ред. Дорогунцова С.І. / НАН України, РВПС України. – К.: Чорнобильінтерінформ, 2004. – 336 с.